

«Мы рады, что все увереннее входит в жизнь молодое поколение нашей творческой интеллигенции. Настоящий талант встречается редко. Талантливые произведения литературы или искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем, что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревожностях и свершениях...» — это слова из доклада Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС.

В нашем крае большой и творчески интересный отряд молодой творческой интеллигенции: писатели, художники, артисты, музыканты.

Сегодня на нашем комсомольском собрании слово предоставляется Владимиру ЗИМИНУ, артисту самого молодого театра нашей области — Магнитогорского театра кукол «Буратино».

Газета «КОМСОМОЛЕЦ»

проводит на своих страницах

общественное комсомольское собрание

«Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!»

ТВОРЧЕСТВО — ЭТО ЩЕДРОСТЬ СЕРДЦА

Я — актер городского театра кукол. Такие театры сейчас называют периферийными. Прежде их называли провинциальными. Но кто мне объяснит, что это за понятие сегодня «провинция»? Перед каждым актером периферийного театра стоят те же задачи, что и перед московским или ленинградским. Вчерашняя провинция сегодня имеет возможность обсудить достоинства последней передачи «Голубого огонька», а столичный зритель приходит на гастрольный спектакль Омского театра. Командировочные с Дальнего Востока рыдают у окошка администратора, потому что им смерть как необходимо посмотреть спектакли театра на Таганке, а искушенные ленинградские театралы уезжают с Варшавского вокзала в маленький литовский город Паневежис, потому что в Паневежисе есть театр, который знает вся страна. «Провинция» — сказал я себе, увидев один московский спектакль. «Ваш спектакль украсил бы сцену любого столичного театра», — сказали критики актерам в небольшом городе Березники.

Времена меняются. Мы изживаем в себе спесивый столичный снобизм и провинциальную приниженность захолустья. Времена меняются. И никакие ссылки на «географию» здесь не помогут. В искусстве нет столицы и периферии. Есть личность художника, есть гражданская совесть, есть желание работать, а прочее — мелочи быта.

Сегодня в городских театрах страны работают сотни выпускников театральных институтов и училищ Москвы, Ленинграда, Свердловска, Горького. Режиссеры, актеры, художники, приобщенные театральной школой ко всему передовому, чем живет современный театр, они в свою очередь

приобщают ко всему этому коллективы своих театров. Нет, периферия начинается не с географии. Она начинается с душевной лениности, с обязательного благополучия, с бездуховности и равнодушия.

Три года живет наш небольшой городской театр. Три года работают в нем мои товарищи по сцене, страстные и яркие люди, любящие в театр, живущие театром, не мыслящие своей жизни без театра. Они способны загораться, как дети, если репетиция проходит интересно, забыть о перерыве, о своих собственных детях, которые ждут их дома, забыть о том, что городской транспорт работает, увы, не круглосуточно, и тогда в театре всю ночь горят огни, и мы сбрасываем с себя пиджак и свитера, потому что нам становится жарко от работы. Работа пьянит и околдовывает нас, и тогда рождается спектакль, живой и горячий, и мы заставляем людей смеяться и плакать вместе с нами, радоваться и грустить вместе с нами, негодовать и восхищаться вместе с нами.

Страшна периферия сердца, периферия души. Но когда мои партнеры по спектаклю со шлагами в руках несутся по зрительному залу с мушкетерской песней, когда они «выкладываются», так, что в антракте долго не могут отдышаться, когда мы видим, что зритель на два часа забыл о суетных своих делах, мы счастливы. Щедрость самоотдачи — вот что сегодня требуется от нас. Страстность и убежденность — вот что может возволновать людей в зрительном зале. Обаяние личности, встречи с которой ждет человек в кресле с программкой в руке.

Времена меняются, и периферия уже не та. Мог ли, скажите, городской театр кукол еще двадцать лет

назад взяться за постановку такого полотна, как «Три мушкетера» Александра Дюма? А мы поставили этот спектакль. Поставили впервые в истории советского театра кукол. Куклы играют Дюма — фантастично. Когда я выхожу на сцену в этом спектакле, я верю, что я и есть тот Д'Артаньян из Гаскони, и судьба призвала меня и мою шпалу к борьбе за справедливость, свободу и честь. В нашем спектакле есть сцена, которую мы играем без кукол, в живом плане, — это встреча Д'Артаньяна с кардиналом Ришелье. Мы хотели показать в ней нашего героя в самый драматический момент его жизни, когда страх сковал его и он согнулся. Согнулся, но не дал сломить себя, остался верен тем высоким духовным ценностям, которыми жили его друзья-мушкетеры. И вот всегда, когда мы играем эту сцену, зал затихает, зал слушает нас, и я уверен, что каждый из зрителей в этот момент примеряет ситуацию на себя. Каждый из нас рано или поздно может оказаться в ситуации, когда нужно принять одно решение, только одно, а середины нет.

Мой герой не супермен. Так мы решили этот образ. Он говорит «нет» кардиналу, но путь его к слову «нет» долг и драматичен. Но в этой ситуации есть, по-видимому, та серьезность, которая нужна зрителю, вот почему он так слушает эту сцену.

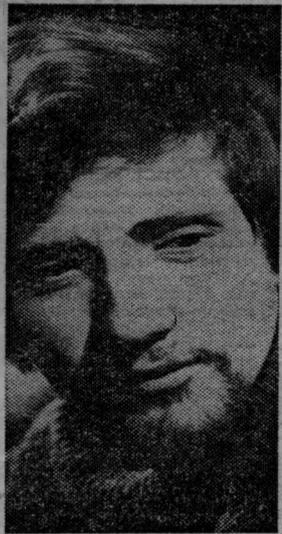
Я рассказал об этом потому, что ради таких мгновений на сцене мы живем. Мгновений истины, которая нужна людям. И в такие мгновения мы гордимся собой и своим театром и не считаем его периферийным. Мы верим в себя и свой театр, пока мы чувствуем, что он нужен людям и, если хотите, городу, в котором мы работаем.

Задачей искусства было и

остается художественное и нравственное воспитание человека. В нашем городе много и, несомненно, плодотворно работают пропагандисты из Дома музыки и хорового общества. Страстные и убежденные люди, они закипают делом, пользу которого трудно переоценить, — пропагандой музыки. Seriously и масштабно работают в сфере эстетического воспитания комсомольцы горно-металлургического института с его филармонией, Дворцом студентов и системой абонементов.

Мы, творческие работники театра «Буратино», ощущаем себя частицей целого в системе эстетического и нравственного воспитания людей. Для ребенка первая встреча с театром, как правило, происходит в театре кукол. И от этих первых встреч с театральным искусством зависит очень многое. Полюбил он театр или станет его ненавистником — во многом зависит от нас. Мы будим фантазию детей, заставляем их участвовать в игре, заставляем сплываться и дышать одним дыханием, мы будим их эмоции, учим их чувствовать, говорим с ними о важных вещах: о добром и злом, об уродливом и прекрасном. Мы стараемся вырвать детей из привычного мира повседневности, окунуть их в мир сказки, чуда, невозможного.

А вечером в зал приходит взрослый. И мы играем спектакль «Айболит против Бармалея». В течение двух часов зритель является свидетелем морального поединка между духовно богатым человеком и обывателем, между личностью и ничтожеством. Спектакль заканчивается, но зрители остаются на своих местах, актеры уstraиваются на сцене перед ними, и мы в открытую разговариваем с залом уже не от лица своих

героев, а от своего имени. Мы говорим с ними о том, что волнует их, а значит и нас, — об искусстве театра, о его фантастических возможностях. И тогда монолог превращается в диалог. Зрители соглашаются с нами или спорят, но обязательно задумываются. Задумываемся и мы. И может быть, завтра, а может, через год я сыграю свою роль иначе, потому что тот диалог в зале что-то изменил во мне, заставил что-то переоценить.

Кашеева смерть, если верить сказке, была в сундуке, на конце иглы. Добраться до нее было нелегко, и все же добрались. Наш театр живу, но жив до тех пор, пока мы горим и, стало быть, будет жива до тех пор, пока не заведется в «сундуке» нашем равнодушие.